

Валерий ПОРТНЯГИН

Букет черемухи

Мозаика знакомства с художником

Я пытался заглянуть “за холсты” Вячеслава Пичугина, в то пространство, где художник живет еще не созданным. Понимая обреченность таких попыток, хватаюсь за брошенное им слово, за жест, за телефонный разговор, за дружеский тост... Отсюда — мозаичность заметок, которые можно рассыпать по столу, как лепестки черемухи.

* На двери в подъезд большого дома, где живет Пичугин, установлен кодовый замок. Но, чтоб попасть в мир Пичугина, мне нет никакой необходимости нажимать на холодные кнопки с цифрами кода и ждать, когда отожмется металлическая защелка замка. Нет кода и нет замка. Наши миры находятся поблизости, иногда даже пересекаются — вот почему я просто вхожу в мир Пичугина и существую в нем. Мне там нравится.

* Мы знакомы лет 25. Сначала заочно, потом — лично, но сблизилась только в последний год.

Многих курганских художников — практически ровесников Пичугина — трудно назвать романтиками. А Пичугин — романтик. Романтизм и стал почвой для нашего сближения.

К романтизму следует относиться хорошо. Он никогда не исчезал из нашей культуры. Иногда романтическое направление в живописи, литературе притихало, оказывалось как бы не самым нужным, существенным, но движение жизни опять приводило к его возрождению. Будущее — всегда за романтиками.

* На созвучии, пересечении миров с любимыми художниками и писателями зиждется и любовь Пичугина к натюрморту, пейзажу. При его немногословности и в общем-то простой речи несколько не режет слух высокий “штиль”: “Пейзаж — это моя судьба”.

Он считает, что для того, чтобы постичь совершенство природы, перенося его на холст и облакая в жанр пейзажа, — одной жизни мало. При том, что почти все его творческие достижения связаны с пейзажем (и натюрмортом), Пичугин думает, что не прошел и самой малой части этого пути.

— Я сам себе судья, но не идиот, чтобы всякий раз говорить, что я написал шедевр. Всегда хочется большего.

— То есть ты хочешь быть первым?

— Искусство — не спорт, здесь нельзя быть первым. Здесь надо быть самим собой. Хотя бы Пичугиным.

* Эти слова — “Быть хотя бы Пичугиным” — должны были привести нас к разговору об индивидуальности художника, ибо настоящий художник всегда поражает нас неповторимостью своего взгляда на мир.

Несомненно, что существует искусство первичное и вторичное. И тут и там “органом” творчества всегда является воображение, но первичное искус-

ство питается живой жизнью, вторичное же использует то, что когда-то кем-то уж было переработано, оно — подражательно. Можно подражать и Репину, и Ренуару, и Пикассо, и Модильяни, и Пророкову, и Дейнеке, и Пименову. Но как бы виртуозно ни удавалось подражать им или не столь великим живописцам, искусство рождается только тогда, когда ты переносишь на полотно собственные впечатления от собственной жизни.

Пичугин давно понял: обязательная задача для художника — найти в искусстве свое “я”. Он нашел, на выставках его не спутаешь ни с кем. Вторая задача — сохранить свое “я” — будет потрудней и решается всю жизнь. Беда в том, что многие художники понятие “самоусовершенствование” как бы сдали в архив. Кажется, Пичугин не из их числа.

* Иногда я встречаю Пичугина замкнутым, слабым, растерянным перед миром. Почему? Что произошло с человеком? Возможно, это связано с творческой неудачей?

Но неудачу дано пережить каждому, ни одна судьба не состоит только из удач и успехов. Неудача не разрушительна для искусства. В своем возрасте и при своем опыте Пичугин хорошо понимает это и старается “держать удар” (в юности занимался боксом и борьбой!). Из колеи выбивает, потерянным Вячеслава Пичугина делает непорядочное поведение в искусстве. *Просто чья-то непорядочность. Что действительно разрушает и человека, и искусство...*

* Пичугин продуктивен, он очень много работает. Мастерская буквально завалена старыми и новыми, еще не оконченными холстами. Из каждой, самой близкой поездки он привозит множество этюдов, набросков...

Весной мы отдыхали в одной местной здравнице. Две недели я откровенно ничего не делал, даже приятные процедуры, такие как массаж и бассейн, игнорировал. Слава наоборот — докторов слушался. Но все лечение шло насмарку, потому что каждый день с утра Пичугин уходил с этюдником на плече в лес, в котором еще лежал снег, и возвращался только к обеду. Не потому, что хотел есть или устал, просто к этому времени краски окончательно замерзали, а окоченевшие пальцы уже не могли держать кисть.

* Водки сейчас много. Однажды при деньгах мы долго выбирали нечто особенное среди десятков ярких наклеек и названий. В конце концов я сказал ему:

- Бери любую, все равно формула спирта везде одинакова.
- А вот в живописи — сколько холстов, столько и формул искусства, — заметил он.

Пили, конечно, в мастерской. И, конечно, за искусство.

* Уверен: он интересен любому человеку, но не умеет возбуждать к себе этот интерес, не умеет “подавать” себя. Людям рядом с ним нелегко. Наверное, это понимают его жена Люба (он женат второй раз), некоторые друзья, которых, впрочем, немного. Много тех, кто пользуется его добротой...

* Больше всего меня поражает в Пичугине при неординарной внешности (он красив!), долгой жизни в искусстве и немалой известности — потрясающая застенчивость.

И еще. Никакой он не небожитель с Парнаса, но в мир обычных бытовых реалий совершенно не вписывается. Я видывал в магазинах с авоськой в руках популярных артистов, талантливых писателей, но Пичугина с авоськой представить не могу. Если знать, что он вырос в провинциальной семье, где было четверо детей, и попробовал голодухи, то понимаешь, что эта отстраненность от быта — не позерство, не гордыня, а нечто другое, помогающее оставаться всегда наедине с самим собой. Он так и говорит:

— Я люблю одиночество.

Одно из самых любимых его выражений — “молчаливая музыка”.

* На женщин ему везло всю жизнь. Но его эталон — мать. Он ее нежно любит и без конца восхищается. Называет ее труженицей и красавицей. Сейчас ей 85 лет. Говорит, что в детстве она его баловала.

* Маленькой женщиной — дочерью Катей — он тоже восхищается. Фифти-фифти наши разговоры состоят из “размышлизмов” об искусстве и о ней.

За небрежно брошенным “моя Катька” легко угадываются и нежность, и любовь, и боль, и надежда. Он в дочь вглядывается, вслушивается. Он ее понимает...

* Листаю каталог, изданный когда-то к его 50-летию. В “Основных датах жизни и творчества” — перечень выставок, в которых Вячеслав Пичугин принимал участие. Большинство выставок посвящены странным, на сегодняшний взгляд, датам: 50-летию ВЛКСМ, 25-летию области, XXV и XXVI съездам КПСС...

Нет, не виноват художник Пичугин, что любая мало-мальская экспозиция у нас привязывалась к какой-то дате. Его искусство существует не принудительно, он понятия не имеет о выставочной выгоде. Вместо заказных портретов он пишет хризантемы на окне, вместо ударных строек — крыши старого Кургана, а вместо плакатных улыбок — яблоки в вазе. Его вроде бы традиционные картины тут же берут ваш взгляд в плен. И вы сразу же ощущаете такую энергию, такое напряжение красок, чувств, душевных и динамических состояний, что жизнь внутри этих прямоугольных холстов покажется равноправной и равносильной жизни, что бурлит вокруг нас.

* — А “новых русских” я в гробу видал!

Сказано это было, конечно, в сердцах — Пичугин никому не желает зла. Но за отчаянной фразой видна усталость художника от разливающейся бездуховности, от сегодняшней невостребованности искусства, а, значит, и его невостребованности. И сразу после этого:

— Но на судьбу я не жалуясь. И благодарю боженьку, что он определил мне для жизни это время, это место и дал мне в руки любимое дело. А пена вся уйдет. И Россия жить будет!..

* Мне нравится смотреть, как Пичугин делает в мастерской простые дела: подбирает багет для рамы, читает газету, заваривает чай... В каждом движении — неторопливость, основательность. Некий азарт чувствуется только тогда, когда он подбирается к новой работе, к новому холсту. Наверное, этот азарт получен в наследство от отца, Алексея Ивановича, который, кроме того, что был великолепным жестянщиком и механиком, говорят, был и знаменитым охотником.

Вам кажется, что между охотничьим и художественным азартом мало общего? А предвкушение удачи?..

* При слове “охота” сразу же вспоминаю такой случай.

Однажды при мне Вячеслав Алексеевич выпросил у охотников подстреленного глухаря (дичь всегда была классической моделью для классического натюрморта). Писать начал быстро, пока тело глухаря еще не заоченело и могло принять любую пластичную форму. Ради этой формы Пичугин и

возился около получаса, выискивая наиболее живописное положение птицы.

По существу это был профессиональный, в чем-то даже учебный этюд: для того, чтоб глаз не “замылился”, чтобы руку лишней раз набить. Но случилось так, что все это художнику пришлось делать в кругу любопытных. И вот из этого круга неожиданно выходит какая-то дама и, восхищаясь разноцветным оперением, поправляет красный гребешок птицы, чем и меняет долго искомое и удачно найденное положение природы.

Гнев Пичугина был страшен. Вначале он побледнел, а через минуту так наорал на даму, что она готова была сквозь землю провалиться.

Тогда мне показалось, что для такой степени гнева повод совсем невелик. И только позже понял: дама, ничего не зная о натюрморте, Пичугине, а тем более, к примеру, о каком-нибудь Снейдерсе, грубо вмешалась, буквально влезла в пространство искусства. За это можно и наорать.

* — С тех пор, как себя помню, с тех пор и рисую. Лес все еще таким помню, каким видели его со старшим братом Анатолием у деда. Он лесником был. Фашиста пацаном еще, во время войны, нарисовал с поднятыми руками, дяде открыткой отправил. Тоже помню.

Есть такое ученое слово — тезаурус. По-латыни оно означает — сокровище. Это очень хорошее слово. Действительно, то, что хранится в нашей эмоциональной памяти — ни с чем не сравнимое сокровище. И оно должно ежедневно увеличиваться. Под тезаурусом подразумевается не просто сумма сведений, а все интеллектуальное и эмоциональное богатство человека, включающее его способность к творчеству, к переживаниям, к воображению.

Нет этого — нет и искусства.

* Редкий случай: мы с Пичугиным заговорили о политике. Не заметив, как мы свернули на эту дорожку, в конце концов я спросил его: зачем тебе все это? Пиши, мол, свои пейзажи да натюрморты, на которых нет ни белых, ни красных (если речь не про грибы).

— Наоборот, художнику надо приучать себя думать, сопоставлять, читать, смотреть — жить, не сторонясь впечатлений. Вдохновение просто так не приходит, к нему себя надо готовить, видеть и слышать больше, чем другие вокруг. Ворону на снегу видят миллионы людей, но только Сурикова она подтолкнула к созданию “Боярыни Морозовой”.

Цель искусства — в создании “жизни человеческого духа”. Известная формула Станиславского стала настолько затертой, что даже люди искусства не вдумываются в ее существо, принимают ее как некие “общие” высокие слова. Но хорошо, что еще есть художники, видящие эту жизнь человеческого духа даже в букете черемухи на подоконнике.

